

A movie poster for 'The King of Neverland' (Король Неверленда). The central image is a close-up of a human skull. The skull's eyes are replaced with vibrant, glowing red eyes with detailed eyelashes. The skull is adorned with an ornate, dark crown or tiara that features intricate scrollwork and a central jewel. The background is dark and textured, with faint, handwritten-style text in various colors (white, yellow, red) scattered throughout, giving it a vintage or gothic feel. In the lower-left quadrant, there is a diamond-shaped rating box containing the text '18+'. In the lower-right quadrant, there is a line of Russian text: 'НИКОГДА НЕ ПОЗВОЛЯЙ ЕМУ СЛОМИТЬ ТЕБЯ'. Below this, the title 'КОРОЛЬ НЕВЕРЛЕНДА' is written in large, white, serif capital letters. At the bottom, the name 'НИККИ СЕНТ КРОУ' is written in smaller, white, sans-serif capital letters.

18+

НИКОГДА
НЕ ПОЗВОЛЯЙ ЕМУ
СЛОМИТЬ ТЕБЯ

КОРОЛЬ НЕВЕРЛЕНДА

НИККИ СЕНТ КРОУ

Никки Сент Кроу Король Неверленда

Серия «Лучшие мировые ретеллинги»

Серия «Порочные Потерянные
Мальчишки», книга 1

Серия «Хиты Никки Сент Кроу»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69366808

*Король Неверленда / Никки Сент Кроу ; [перевод с английского М.
Дарс].: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-188797-1*

Аннотация

Вот уже две сотни лет все женщины рода Дарлинг исчезают в день, когда им исполняется восемнадцать.

Иногда их нет всего день. Иногда – неделю или месяц. Но они всегда возвращаются сломленными.

Сегодня мне восемнадцать, и моя мама бежит по дому, проверяя, закрыты ли все окна и заперты ли все двери. Но это бессмысленно. Когда наступит ночь, он придёт за мной, чтобы забрать в свою страну чудес и кошмаров.

Он – Питер Пэн, Король Неверленда, владыка Потерянных Мальчишек. И я – их новая Дарлинг.

Первая книга нашумевшей серии «Порочные Потерянные Мальчишки».

Страстный, тёмный, взрослый ретеллинг культовой истории о Питере Пэне, полный жарких сцен и неожиданных сюжетных поворотов.

Больше 25 000 оценок и высочайшие рейтинги на Amazon: неизменный бестселлер вот уже больше года!

Внутренние иллюстрации популярной художницы ALES (больше 50 000 подписчиков в ВК).

Целая россыпь харизматичных мужчин, невероятные эмоции, поцелуи, ссоры и чувственность в каждом прикосновении.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	47
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Никки Сент Кроу Король Неверленда

Nikki St. Crowe

THE NEVER KING

Copyright © 2022 Nikki St. Crowe

Перевод с английского языка *Милены Дарс*

© Милена Дарс, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Уинни Дарлинг

В школу я не хожу уже два года как, но всё же до сих пор трахаюсь на пассажирском сиденье внедорожника с популярным защитником из школьной команды по футболу.

В сексе он полный ноль. На поле – великолепен.

Меня бы это полностью устроило, если бы я любила футбол и терпеть не могла секс.

Энтони толкается в меня, и я стараюсь изобразить из себя порнозвезду, потому что знаю, что ему это нравится.

Я притворяюсь, что испытываю оргазм.

Я не порнозвезда, но я дочь проститутки, а это, думаю, близкие понятия.

– О, чёрт возьми, Уинни. Охренеть. О, детка.

Руки у него липкие, он держит меня еле-еле. Дрожит, как мальчишка – да он мальчишка и есть.

Мы ровесники, но по ощущениям между нами лет десять разницы.

– Охренеть, – выговаривает он, жарко выдыхая на мою обнажённую грудь. – Как хорошо... Тебе хорошо?

Полное отсутствие уверенности в себе. Просто невыносимо. Даже не знаю, спала ли я когда-нибудь с уверенным в себе мужчиной.

Или нет.

Может быть, они уверены только в своём праве кого-то поймать.

– Очень хорошо, малыш. Ты прекрасно трахаешься.

А я прекрасно вру.

Продолжаю скакать на Энтони, он улыбается, а затем, дотянувшись, залепляет мне рот поцелуем..

Я ничего не чувствую. Всё тело тупо и глухо болит.

Мигрень пульсирует в голове за глазами.

Я мертва внутри.

И мне охренительно скучно.

Остаётся лишь ждать момента, когда явится какая-то ожившая сказочка и наконец похитит меня.

С днём рождения, мать его.

* * *

Энтони застёгивает джинсы и отвозит меня домой.

Внедорожник мчится по моему району, я пялюсь в окно.

Вот он уже паркуется у бордюра, и я начинаю открывать дверцу, но Энтони хватает меня за руку и наклоняется за поцелуем.

Я нехотя отвечаю.

– Пойдёшь на вечеринку в выходные? – спрашивает он с большей надеждой, чем мне хотелось бы.

Девчонку, которая не прочь перепихнуться, всегда приглашают на вечеринки. На целую прорву вечеринок. Все они

одинаковые, но это мне и нравится. В моей жизни было мало постоянных вещей.

– Напиши мне, – отвечаю я, потому что понятия не имею, где буду в эти выходные.

Сегодня мой восемнадцатый день рождения, и до меня все женщины в роду Дарлинг исчезали именно в эту дату.

Кто-то на сутки, кто-то на неделю или на месяц.

Но возвращались они уже сломленными, в разной степени невменяемости.

Я не хочу сходить с ума. Меня вполне устраивает быть такой, как сейчас. По большей части.

Стоит мне войти домой через заднюю дверь, как прямо передо мной внезапно появляется мама.

– Где ты была, Уинни? Я думала, он уже забрал тебя и... – Тут же она переключается на другую мысль, бежит к ближайшему окну и проверяет задвижку.

За работой она вечно бормочет себе под нос.

Пираты, и Потерянные Мальчишки, и феи.

И он.

Она не произносит его имени, пока бодрствует, но ночью иногда просыпается с криком.

Питер Пэн.

Мама лежала в психиатрической больнице семь раз. Говорят, она шизофреничка, как и бабушка, и прабабушка – и

все женщины в семье Дарлинг до неё.

Фамильное безумие, передавшееся мне по наследству.

– Уинни! – Мама подбегает ко мне, хватая меня за запястья. Руки у неё костлявые, глаза широко распахнуты от испуга. – Уинни, что же ты творишь? Иди в комнату! – Она толкает меня вдоль коридора.

– Но пока ещё день. И я хочу есть.

– Я тебе принесу... когда *он*... ладно, слушай. – И вот она уже ослабила хватку и снова смотрит вдаль, хмурясь чему-то своему. У меня внутри всё сжимается.

Пожалуйста, ради всех богов мира, я не хочу закончить, как моя мать.

Она кричит на меня:

– Он уже близко!

– Я знаю, – обращаюсь к ней специальным успокаивающим голосом, – знаю, что он близко, но у тебя дом задраен лучше, чем бомбоубежище. Не думаю, что хоть кто-то сможет попасть сюда.

– О, Уинни, – у неё перехватывает дыхание. – Он может проникнуть куда угодно.

– Если он может проникнуть куда угодно, зачем запираť окна? Зачем оставаться в комнате?

Она запикивает меня за порог, игнорируя логические доводы.

«Особая комната», где я живу, – буквально произведение искусства, памятник крошечному ужасу. В грубых мазках

краски на стенах читается безумие. Все стены расписаны ручными символами, у двери на наличнике знаки чуть ли не вытравлены.

Через каждый наш съёмный дом проходил целый строй так называемых ведм, шаманов и жрецов вуду, и все они появлялись в нашей жизни, чтобы продать маме очередной секретный способ защититься *от него*.

У нас и так никогда не было денег, но мы спустили всё, что могли, вот на это.

– Я принесу тебе что-нибудь поесть, – решает мама. – Что ты хочешь?

– Да всё в порядке. Я могу...

– Нет! Я принесу. А ты останешься в комнате. Оставайся в комнате, Уинни!

Она убегает обратно в коридор, в своём лёгком развевающемся белом платье напоминая привидение. Через несколько секунд с кухни слышится грохот кастрюль и сковородок, хотя я абсолютно уверена, что у нас нет никакой еды, которую можно было бы положить в кастрюлю.

Это девятнадцатый дом, в котором мы поселились.

Я знаю количество мест проживания, которые мы сменили, но не могу вспомнить большинство из них. Когда множество разных стен сливается в одно невнятное пятно, трудно почувствовать себя как дома.

Мама объясняла, что думала сбить его – Питера Пэна – со следа нашими постоянными переездами. Мы путешеству-

ем налегке. У меня есть две сумки с вещами и один сундук, доставшийся от прапрабабушки Венди. Внутри он меньше, чем снаружи, а по весу вдвое тяжелее, чем кажется.

Избавиться от него я не могу.

Сундук как будто единственное наше настоящее имущество, только он имеет хоть какую-то ценность.

Наше нынешнее жильё – ветхий викторианский дом с осыпающейся штукатуркой, истёртым поцарапанным паркетом и множеством пустых комнат. У нас даже дивана нет. Мебель слишком тяжело перевозить.

Я падаю на надувной матрас в углу своей «особой комнаты», устремив взгляд в потолок. По нему выются нарисованные кровью надписи – ведьма из Эдинбурга сказала, что подойдёт только кровь.

И непременно моя.

Может быть, мы все по-своему сумасшедшие.

* * *

Мама приносит мне бутерброд с арахисовым маслом и мармеладом, а также стакан воды из-под крана.

Она смотрит, как я ем, вздрагивая каждый раз, когда дом скрипит. Я снимаю с хлеба корку и поедаю её, как длинную нитку спагетти. Прошу маму:

– Расскажи мне о нём.

Она дёргается.

– Я не могу.

– Почему?

Мама постукивает указательным пальцем по виску.

Насколько я поняла, она думает, что какая-то магия мешает ей говорить о нём подробно, так что мне удаётся разузнать только обрывочные сведения. Мама утверждает, что в новолуние действие заклятия становится слабее, но сейчас близится полнолуние.

Во время прилива при полной луне все чудовища выходят на свет. Волки, феи и Потерянные Мальчишки. Так она говорит.

– Что ты *можешь* мне рассказать? – спрашиваю я.

Она несколько секунд обдумывает вопрос, сжавшись в углу комнаты на койке, подтянув колени к груди. Я предполагаю, что когда-то мать была красивой, но сама видела её только после того, как она сошла с ума. У неё, как и у меня, тёмные жёсткие волосы, уже редющие от того количества лекарств, которое она принимает. На впалых щеках горит нездоровый румянец.

Ногти у неё расслаиваются, под глазами круги. Она больше не работает. Её пособия по инвалидности с трудом хватает на оплату счетов. И мне кажется, чем больше времени мама проводит в изоляции, тем ей хуже.

– Я помню песок, – наконец улыбается она.

– Песок?

– Это остров.

– Что – это?

– Место, куда он тебя заберёт.

– И ты тоже там была?

Она кивает.

– Неверленд по-своему прекрасен. – Мама обхватывает руками колени и сжимается в комок. – Там кругом магия, её столько, что это можно почувствовать кожей, ощутить вкус на кончике языка. Вкус жимолости и морочных ягод. – Она поднимает голову, смотрит на меня широко раскрытыми глазами. – Мне так не хватает морочных ягод. А ему – магии.

– Кому? Питеру Пэну?

Мама снова кивает.

– Он теряет контроль над сердцем острова и думает, что мы сможем это исправить.

– Почему? – Я отрываю уголок бутерброда и разминаю хлеб между пальцами, расплющивая его в блин. Мармелад брызгает с края. Я пытаюсь растянуть еду, насколько могу, чтобы обмануть желудок, будто накормила его обедом из пяти блюд.

Мама прижимается щекой к коленям и бормочет:

– Они нарушили обещание. Дали мне обещание и нарушили его.

– Какое обещание?

– Я не знаю, как его остановить, – шепчет мама, не обращая на меня внимания. – Не знаю, достаточно ли всего, что я сделала.

– Всё будет хорошо, – уверяю я. – Я нисколько не волнуюсь.

Ведь ничего этого не существует.

Ничего, кроме безумия.

Вот оно меня как раз волнует.

Неужели это работает как выключатель? В одну минуту я нахожусь в здравом уме, а в следующую – нет?

Перспектива слететь с катушек пугает меня больше любых страшилок.

* * *

Когда мама засыпает, я медленно выскальзываю из комнаты.

Налетела гроза, и за окном сверкают молнии; тени внутри старого дома заметно удлиняются.

Я иду по коридору в ванную. Там смотрю на себя в зеркало и не узнаю, словно вижу незнакомку. Иногда меня тревожит мысль, что если я потянусь к своему отражению, рука встретит лишь пустоту.

Я начинаю походить на неё.

Исхудавшая до костей. Измождённая.

Не хочу сходить с ума.

И я *невероятно* устала.

Кофта соскальзывает с плеча, и я мельком замечаю рубец, будущий шрам, повторяющий по форме руны на потолке.

Подтягиваю воротник выше.

В аптечке только одна дверца, поэтому левая сторона открыта, и внутри виднеются несколько рядов баночек с таблетками.

Выбирай любую.

Не хочу сходить с ума.

Тянусь за пузырьком с ибупрофеном. За все эти годы я проглотила столько таблеток, что они уже почти не приносят облегчения.

Где-то в прихожей скрипит половица.

Я отдёргиваю руку.

Вслед за новой вспышкой молнии за окнами грохочет гром.

Когда стихают последние раскаты, я слышу, как закрывается входная дверь.

Мама.

Я бегу обратно, но она крепко спит на койке.

Сердце стучит в горле.

Снова скрипит пол.

Может быть, кто-то вломился сюда, посчитав, что дом заброшен? Мы с огромным трудом тянем арендную плату, не говоря уже о коммунальных услугах для дома такого размера. Мы почти не пользуемся светом.

Медленно закрываю за собой дверь спальни и запираю на замók. У нас нет никакого оружия – или чего-то пригодного в качестве него. Все деньги истрачены на бесполезную магию.

Я задерживаю дыхание, крепко сжав зубы.

Дверная ручка поворачивается.

Медленно отступаю от двери.

Началось? Я уже потеряла рассудок?

Гром раскалывает небо.

Замок щёлкает, как по волшебству, и кто-то ногой толкает дверь внутрь.

Стонут петли.

Я снова смотрю на маму. Я не хотела верить в её истории, но, может, какие-то из них не так уж бессмысленны?

Нет, это не может быть правдой.

Или может?

Мама просыпается.

– Детка, который час?..

– Тс-с! – Я бросаюсь к ней, встряхиваю, но уже слишком поздно.

Дверь открыта, и на пороге вырастает мужской силуэт.

Ох, чёрт. Я даже сделать вдох не могу.

Слышится отчётливый щелчок: открывается зажигалка. Затем резко вращается металлическое колёсико. Незнакомец прикуривает сигарету, и пламя вспыхивает, освещая его лицо.

Загоревшийся огонёк отражается в серебряных кольцах на пальцах, высвечивает руки, покрытые тёмными татуировками, запястья, обмотанные верёвочными браслетами и полосками кожи. Взломщик высокий, широкоплечий, одет в

длинный плащ с поднятым жёстким воротником – уголки торчат с обеих сторон от острого подбородка.

Даже не видя под плащом тела, по одному лишь намёку на бицепсы я могу сказать, что он весь состоит из сплошных мышц.

Когда он отнимает сигарету от губ, мой взгляд приковывают изгибы вен на его кистях.

Он выпускает дым одним подчёркнуто длинным выдохом и произносит:

– Мередит, я уже заждался.

Рядом со мной мама охает.

Это действительно происходит?

– Ты её не получишь! – кричит она.

– Будто ты можешь остановить меня.

Сердце подпрыгивает к горлу.

– Пожалуйста. – Теперь мама говорит скорее умоляюще.

Незванный гость затягивается, кончик сигареты ярко вспыхивает, освещая клубящийся вокруг лица дым. Я слышу, как потрескивает табак, от странного трепета в груди сразу же чувствую вину и внезапно ощущаю себя бодрее, чем все последние годы, хотя в такой момент наверняка должна бояться.

Это всё по-настоящему. Мама была права.

– Пожалуйста, – повторяет она.

– У меня нет времени на твои мольбы, Мерри.

Он переступает порог. Вот тебе и все магические ухищ-

рения.

Я хватаю ртом воздух, пытаюсь унять колотящееся сердце. Каким-то образом в мгновение ока преодолев расстояние между нами, он сгребает в горсть воротник моего платья-футболки и рывком поднимает меня на ноги.

– Можно пойти простым путём, можно трудным, Дарлинг. Что ты выберешь?

Я сглатываю, пытаюсь избавиться от нарастающего кома в горле.

Он наблюдает за мной, пристально смотрит, как я кончиком языка облизываю губы.

Трепет скользит из груди ниже, и я холодею от усугубившегося чувства вины.

Пэн – ожившая байка, страшная сказка моей матери, и я не знаю, как быть теперь, когда он здесь, передо мной.

– У тебя три секунды, – говорит он мне. – Решай.

В его лице нет ни намёка на раздражение, но тем не менее оно ощущается. Как будто он участвовал в этом диалоге уже миллион раз, и итог всегда его разочаровывал.

Рядом с нами вскакивает мама, начинает молотить похитителя по руке, чтобы он ослабил хватку. Но он роняет сигарету и быстрым, едва ли не быстрее, чем можно уследить взглядом, движением стискивает горло мамы, рывкнув:

– Нет. Не усложняй дело ещё больше. – И поворачивается ко мне: – Ну так что, Дарлинг?

Затем прижимается почти вплотную ко мне, белые зубы

блестят в лунном свете.

Пэн слишком красив. Слишком похож на сон.

Может быть, я уже сошла с ума.

А если я сумасшедшая, то всё равно, что будет.

– Я жду, – настаивает он.

– Простой путь, очевидно.

Собеседник, явно насмехаясь, вскидывает бровь:

– Очевидно?

– А с чего бы мне выбирать трудный путь?

Мама не в силах вырваться замолкает.

– Первый урок, – объявляет он. – Простого пути нет, – поворачивается к маме. – Я верну её, Мерри. Ты же знаешь, они всегда возвращаются.

Затем отпускает её, щёлкает пальцами, и всё гаснет.

Глава 2

Питер Пэн

Возвращение в Неверленд в дом на дереве с девчонкой Дарлинг, перекинутой через плечо, занимает вдвое больше времени.

Сама она лёгкая как пёрышко. Такая тощая, что выступающие рёбра больно давят.

Эта Дарлинг явно нездорова.

Возможно, это и к лучшему. Стекло, покрытое паутиной трещин, легче разбить.

Так что путешествие осложняет не её вес, а перемещение между мирами. И то, что моя магия угасает.

У меня осталось очень мало сил.

Эта девчонка должна оказаться той, которую мы искали.

Не знаю, что будет, если это снова не она.

Я и есть этот остров. Без меня он не выживет.

Заходя в открытую дверь дома, я знаю, что Потерянные Мальчишки уже ждут.

Я не считал, сколько их сейчас, а половины имён и вовсе никогда не мог упомянуть, но все, кто важен для меня, будут ждать на чердаке под сенью Не-Дерева.

Несу Дарлинг вверх по широкой лестнице, опираясь свободной рукой на резные перила, чтобы удержаться в вертикальном положении. Мерцает свет кованых фонарей, свиса-

ющих с витых крюков на стенах.

Я чертовски устал.

Захожу на чердак: Вейн у барной стойки, близнецы в коридоре. Листья падают с ветвей Не-Дерева. С каждым днём крона всё редее.

Дерево умирает.

Среди оставшихся листьев светятся ярко-жёлтым крохотные жучки-пикси, и это мерцание всякий раз напоминает мне о Динь, что неизменно меня злит.

– Комната готова? – спрашиваю я у парней.

Кас кивает, взглядом внимательно изучая Дарлинг: её руки безвольно свисают у меня за спиной.

Близнецы следуют за мной по коридору в запасную спальню. Вейн с нами не идёт. Ему по вкусу только доводить девочек до слёз.

На столе у окна горит фонарь, в открытое окно проникает океанский бриз.

Я укладываю Дарлинг на кровать. Даже матрас под её весом не прогибается.

Баш застёгивает на её запястье металлический браслет, цепь от которого привинчена к стене.

Я падаю в высокое кресло с подголовником, вытаскиваю из кармана металлический портсигар, выбиваю одну сигарету, щёлкаю зажигалкой. Пламя танцует во тьме. Вдыхаю, огонёк ползёт по столбику пепла, и горящий табак потрескивает.

Когда дым наполняет лёгкие, я чувствую себя несравненно лучше.

– Как она? – спрашивает Кас.

Он из нас, пожалуй, единственный добряк.

– Упрямее, чем хотелось бы.

Баш прислоняется к дверному косяку, и свет из коридора очерчивает его фигуру на фоне проёма неверным золотым ореолом.

– А Мерри?

Ветер с моря холодает. Я откидываю голову на спинку кресла.

– Сумасшедшая, как и была.

Сигарета догорает до конца. Закрываю глаза. Где-то у горизонта начинается восход.

Чем ближе день, тем дальше ощущается магия.

Я ничто при свете солнца.

Кучка пепла.

– Следить за ней, – приказываю я, встаю и направляюсь к двери. – Но не трогать.

– Мы знаем правила, – отзывается Баш, немного раздражённый тем, что ему говорят, что делать. Но он падок на всё красивое, а эта Дарлинг симпатичнее предыдущих.

– Не трахать девчонок Дарлинг, – напоминаю я, просто чтобы убедиться, что он меня слышит.

Это единственное правило, которое у нас есть.

Мы не трахаем грёбанных девчонок Дарлинг, которые и за-

варили всю эту кашу.

Мы не трахаем их.

А просто ломаем.

Глава 3

Уинни Дарлинг

Я просыпаюсь с тем же ощущением, которое возникало у меня однажды, когда я заснула на заднем сиденье старой машины матери, а она тем временем увезла нас через шесть штатов на запад.

Я не там, где должна быть, всё тело болит, всё вокруг какое-то другое.

Сначала доносятся крики чаек.

Мы не живём у океана уже семь лет, но они пробуждают старые воспоминания о песке на полу, о шуме волн и запахе травы на дюнах.

Я всегда любила воду. Вода делает меня счастливее.

Вслед за криками чаек слышится чей-то громкий вдох – не мой.

Я открываю глаза: на меня сверху вниз смотрит мальчик.

Нет, точно не мальчик. На вид он очень юн, но по ощущению – взрослый мужчина.

Длинные чёрные волосы собраны в пучок на затылке. Устремлённый на меня взгляд острее ножа, глаза блестят. Кожа у наблюдателя смугло-красноватая, цвета кровавой луны, обнажённую грудь пересекают чёрные татуировки. Симметричные линии в точности повторяются по обе стороны тела. Узор начинается у шеи, вьётся вниз, словно лабиринт,

и исчезает под поясом рваных чёрных джинсов.

Незнакомец – воплощение тёмной мужской силы.

– Доброе утро, Дарлинг, – говорит он.

– Где я? – Я выпрямляюсь и обнаруживаю, что прикована к стене.

Это... своеобразное ощущение.

– Это чтобы тебя обезопасить, – объясняет собеседник, кивнув на цепь.

– От чего?

– От блужданий туда-сюда. – Он ухмыляется. У него красивые пухлые губы.

– Она проснулась? – спрашивает другой голос от двери.

Я оглядываюсь на звук, и на мгновение у меня сбоит мозг.

Как будто в глазах двоится.

Правда, тёмные волосы этого парня подстрижены намного короче и ниспадают волнами. Татуировки точно такие же, насколько я могу судить. На этом надета рубашка.

– Пока ты не спросила, – говорит новый, – да, у тебя галлюцинации.

Первый хмыкает:

– Не морочь ей голову, Баш. Этого ей ещё достанется с лихвой.

Тот, кого он называл Башем, подходит ближе.

– Ты как, Дарлинг? Иногда девчонки тяжело переносят дорогу сюда.

В горле першит, язык во рту сухой, как наждачная бумага.

Немного тошнит, и в голове плавает туман, но в остальном я вроде бы в порядке.

Помимо того факта, что меня похитил некто, кого я считала сказкой или галлюцинацией, и приковал к кровати где-то у океана, хотя ближайший от дома находится в нескольких сотнях миль.

Как далеко меня утащили?

– Всё нормально, – отвечаю я.

– Воды? – спрашивает ближайший к постели.

– Да, пожалуйста.

Всю жизнь мать готовила меня к этому моменту, иногда максимально болезненным образом, но всех её стараний оказалось недостаточно.

Она ведь повторяла, что так и произойдёт. Но вот теперь, когда всё уже случилось, мне трудно уложить это в голове.

Это всё по-настоящему? Или с подобной галлюцинации и начинается безумие?

Кровать подо мной кажется вполне реальной. Тёплый тропический воздух – тоже. Как и пространство, которое парни занимают в комнате, исходящая от них энергия.

Близнецы выглядят более впечатляюще, чем любой мальчишка из тех, с кем я тусовалась раньше – а я тусовалась со многими.

С красивыми парнями и время идёт быстрее. Я ненавижу скучать. Но ещё сильнее ненавижу одиночество.

Баш исчезает в дверном проёме на другом конце комна-

ты и возвращается со стаканом воды. По стеклу стекает конденсат.

Чайки снова кричат.

Я слышу, как где-то вдалеке волны разбиваются о скалы.

Допивая воду – свежую и прохладную, чуть ли не самую освежающую в своей жизни, – я заодно осматриваюсь вокруг.

Мы находимся в большой комнате, со стен, когда-то покрашенных в яркий изумрудный оттенок, осыпается штукатурка. Справа от меня – три прямоугольных окна с открытыми деревянными ставнями. Без сеток. Снаружи льётся свет. Вдали можно разглядеть ветви пальмы, а под ней – дерево, усыпанное ярко-красными цветами.

Я сижу на кровати с толстым деревянным каркасом на чём-то вроде набитого перьями матраса. Простыня чистая, отбеленная до хруста. Одеяла нет.

В углу стоит высокое кресло с подголовником, за ним – лампа на длинной штанге и журнальный столик.

Прекрасное место, чтобы посидеть и послушать чаек, не будь я прикована к кровати.

Возвращаю стакан, и парень ставит его на пол. Должно быть, он присел на табурет у постели, потому что он явно сидит, но стула не видно.

– Что я здесь делаю?

Близнецы переглядываются, и, клянусь, я слышу отдалённый звон колокольчиков.

Чёрт. Я действительно схожу с ума.

– Что твоя мать смогла рассказать тебе? – спрашивает Баш.

– Немного.

Прошлой ночью она впервые поделилась со мной хоть сколько-то полезной информацией.

Страшный призрак, преследующий семью Дарлинг, думает, что я смогу что-то для него – или в нём – исправить.

Что я могу для него сделать? Я едва справляюсь с собственной жизнью.

Баш прислоняется к стене позади близнеца – его тёмный двойник.

Однажды, когда мы с мамой жили в Миннесоте, со мной в одном классе учились близняшки.

Близнецы Вэйви. Самые неприятные и бесячие девчонки, каких я когда-либо встречала. Они пользовались абсолютным сходством, чтобы избежать наказания за все свои проделки. Включая червей в моём бутерброде с арахисовым маслом и мармеладом.

Интересно, эти парни такие же?

Они выглядят как люди, с лёгкостью способные втянуть тебя в неприятности. Опасное искушение. Как красивая древесная лягушка, которая убьёт, стоит к ней прикоснуться.

Думаю, у каждого есть суперспособность, что-то, в чём он хорош от природы. Я всегда отлично разбиралась в людях. Могла определить, что за человек передо мной, прежде чем

он скажет хоть слово.

Кажется, с этими двумя следует быть осторожнее, чтобы пережить то, что мне уготовили.

Чем бы *это* ни было.

– Я Кастиан, – представляется ближайший из парней. – Можешь звать меня Кас. – Он указывает большим пальцем назад, за широкое голое плечо. – Это мой близнец, Себастьян.

– Баш, – дополняет второй.

– Привет, – откликаюсь я.

– Мы вообще милые ребята. – Баш отталкивается от стены, садится на край кровати, и рама скрипит под его весом. Несмотря на то что он полностью одет, по тому, как ткань скользит по телу, можно сказать, что он так же ладно скроен, как и его брат-близнец, сплошь мускулы и кости.

Я оставалась наедине в тёмных комнатах со множеством мужчин, но ни один из них не был похож на близнецов.

Они легко могут взять меня, любым способом, как захотят. Бороться с ними было бы всё равно, что сражаться с океаном – бессмысленно, бесполезно.

Да и зачем?

Неплохая получилась бы встряска.

Я облизываю губы, и когда Баш замечает это, он начинает дышать глубже.

Когда растёшь среди проституток, узнаёшь кое-какие приёмы.

Мой фирменный фокус – расставлять ловушки.

– Если вы милые ребята, – говорю я, – то кто же здесь злодей?

Близнецы переглядываются.

– Питер Пэн? – предполагаю.

– Да, он похуже, чем мы, – признаёт Кас.

– Но не самый плохой, – добавляет Баш.

– Тогда кто...

В коридоре снаружи раздаются шаги. Близнецы вздыхают почти синхронно.

Баш чешет в затылке.

– Готовься, Дарлинг.

– К чему?

Сердце подпрыгивает. Здесь есть кто-то ещё?

Шаги приближаются, тяжёлая поступь стёртых подошв, походка человека, у которого есть цель, и он не намерен от неё отступаться.

Кто здесь ещё хуже Пэна? Мама ничего не говорила о том, что есть и другие. Я и не думала об этом спрашивать.

Когда тёмная тень возникает в дверях, я давлюсь воздухом.

Этот парень не такой мускулистый, как близнецы, но в нём есть нечто более зловещее.

Шрамы. Глаза.

Три длинных ломаных линии разрезают половину лица по диагонали от виска до челюсти.

Наверное, такой пугающий взгляд у него тоже из-за шрамов.

Один глаз ярко-фиолетовый. Другой – непроглядно-чёрный.

По рукам у меня бегут мурашки, хотя в комнате тепло.

– Крошка Дарлинг проснулась, – холодно, отстранённо констатирует новоприбывший. Он подходит к Башу, отбирает недокуренную сигарету, зажимает её между большим и указательным пальцами и делает затяжку. Потом начинает говорить, ещё не выдохнув, поэтому голос звучит неестественно из-за дыма в лёгких. – Ну как, она уже плачет?

Кас хмурится.

– Что-то мне подсказывает, что эту будет труднее сломать.

– Они все рано или поздно ломаются, – возражает, видимо, самый злой парень, глядя на меня своими пугающими глазами.

Я машинально отворачиваюсь от него, каждая клеточка тела едва не вопит от нарастающего страха. Отползаю по кровати, пытаюсь сжаться, сделаться меньше ростом.

Мама говорила, что здесь есть магия.

Что это за магия? У меня обычно нет рефлекса съёжиться в случае опасности.

– Вейн, – вмешивается Баш. – Это обязательно? Она только что проснулась.

На висках у меня выступают капельки пота, и гнетущий ужас вот-вот выплеснется наружу.

Крик застревает в горле.

Что происходит?

– Не будь придурком, – говорит Кас.

Злой парень – Вейн – докуривает сигарету, глядя на меня с прищуром. Сердце у меня колотится так, что звук отдаётся в голове.

Я тяжело и часто дышу, комкаю простыню липкими руками. Не могу сидеть на месте. Хочется убежать.

Слёзы затуманивают зрение и наконец проливаются.

– Вейн, – повторяет Баш с большим нажимом.

Ужас внезапно исчезает, такое ощущение, словно внутри лопнула натянутая струна. У меня получается сделать вдох.

– Что за чёрт? – Я дышу быстрыми резкими глотками.

– Дарлинг, – Кас взмахом руки указывает на Вейна, – познакомься с нашим главным страшилищем.

– Что? – Мне всё ещё не хватает кислорода, слёзы текут по лицу. – Какого хрена?

– Я же говорил, в конце концов они все плачут, – заключает Вейн. – Снимите цепь. Выведите её отсюда. Девушки Дарлинг переносимы, только когда молчат.

Он исчезает за дверью.

– Пойдём, – зовёт Кас. – Мы слегка введём тебя в курс дела, пока Баш приготовит что-нибудь поесть. Ты голодная?

Меня подташнивает от случившегося только что, но в животе, конечно, пусто.

Возможно, еда мне поможет.

Хоть что-нибудь мне поможет?

Мама предупреждала меня, а я думала, что она сумасшедшая, и теперь расплачиваюсь за это.

Кас очень бережно снимает металлический браслет. Я не вижу ключа и не знаю, как он расстёгивает замóк. Цепь с наручниками остаётся на кровати.

Близнецы идут к двери и ждут меня на пороге.

– Честное слово, мы не кусаемся, – шутливо говорит Кас.

– По крайней мере, пока, – добавляет Баш.

Глава 4

Баиш

Сколько девчонок Дарлинг ступало по коридорам дома на дереве?

Я и не считал.

В этот момент мы действуем на автопилоте, все шаги известны наперёд, столько раз мы это проходили. Я постараюсь успокоить новенькую едой. Кас будет притворяться, будто он не такой, как остальные. Вейн со своим фирменным чувством такта отбойного молотка примется пугать её, пока она не зарыдает.

Хорошо, что я делаю чертовски вкусные блинчики с морочными ягодами.

По пути на кухню Дарлинг с любопытством осматривается. Я смутно осознаю угасающее величие этого дома. Ему несколько сотен лет, он построен руками солдат колониальной армии, которых мы похищали, когда из-за исчезновения людей не поднимался переполох.

Теперь они мертвы. Смертные разлагаются. Только Потерянные Мальчишки не умирают.

Посреди чердака Дарлинг с изумлением обнаруживает крону Не-Дерева.

Мы срубили его, когда строили дом, но на следующий день оно выросло снова, вытянулось в полный рост. Мы

опять срубили его, и опять оно вернулось. Поэтому мы поставили дом вокруг него. Теперь в ветвях дерева обитают дикие длиннохвостые попугаи и жуки-пикси, но выглядит оно хуже, чем когда-либо. Листья истончаются, кора шелушится. Ещё один признак того, что с островом что-то не так. Точнее, что-то не так с Питером Пэном.

В обширной кухне одну стену занимают сводчатые окна с прекрасным видом на океан внизу. Кухня – моё любимое помещение в доме, полное света и возможностей.

Кас указывает на табурет у длинного стола в центре, и Дарлинг садится.

Вейн обходит кухню по кругу. Вид у него угрожающий, даже когда он просто стоит наклонившись.

Пока я собираю сковородку, миски и нужные продукты, попутно поглядываю на Дарлинг – просто не могу удержаться.

Мы все знаем, какое место она занимает.

Кас садится рядом с ней.

– Как тебя зовут, Дарлинг?

Его рост только подчёркивает, какая она крошечная. Любый из нас мог бы переломить её пополам.

– Кому это на хрен нужно, – фыркает Вейн.

Ему особенно.

– Не будь мудаком, – осаживает его Кас, а девчонке Дарлинг говорит: – По большей части ты можешь его игнорировать. Он просто грубиян.

Нет, он безжалостная тень. Но такого новенькой лучше пока не говорить. Она сама скоро узнает.

– Ну так что, скажешь? – переспрашивает Кас, сохраняя непринуждённый тон.

– Уинни, – отвечает она. – Меня зовут Уинни Дарлинг.

– Приятно наконец познакомиться с тобой, Уинни. Ты дочь Мерри, верно?

Она кивает. При упоминании матери на лице у неё проявляется какое-то странное выражение. Я думаю, что-то вроде горечи.

С Мерри мы поступили нечестно. Мы все это признаём.

Пока я вожусь с готовкой, Кас развлекает девчонку светской беседой.

Мы все здесь исполняем свои роли, и мой близнец всегда изображал такого вежливого проводника. Он лучше играет добряка, чем остальные. В этом он больше похож на отца. Мне перешла жажда крови от матери.

Я не люблю, когда девчонки Дарлинг плачут, но вот их кровь мне нравится.

Высыпаю и выливаю в миску всё необходимое и замешиваю тесто, пока Кас рассказывает Дарлинг, что её ждёт.

– У нас кое-что украли, и теперь мы это ищем, – объясняет он. – И нам представляется, что ты могла бы помочь нам в поисках.

– А что украли? – спрашивает она.

Все они задают этот вопрос.

Утомительный разговор. Сколько ещё раз нам повторять его заново?

Кас смотрит на Вейна, и тот едва заметно качает головой.

Всегда лучше, если Дарлинг не знает конкретных деталей. Лучше не путать воспоминания в её голове раньше, чем появится возможность вонзить в них когти.

– Всё, что тебе нужно знать, – говорит Кас, – то, что ты здесь в безопасности, пока следуешь правилам и слушаешься нас.

– И, чёрт возьми, не пытайся сбежать, – дополняет Вейн.

– Почему? – язвительно спрашивает она. Голос у неё становится поживее.

О, я вижу, они с Вейном очень хорошо поладят.

– Потому что я буду тебя преследовать, – отвечает он со зловещей ноткой в голосе. – И ты не хочешь знать, что произойдёт, когда я тебя поймаю.

Дарлинг заметно вздрагивает.

Умница.

Чем быстрее она всё поймёт, тем лучше для неё.

Брат ловит мой взгляд. Мы всегда могли общаться на уровне, недоступном никому другому. Мы знаем друг друга лучше, чем каждый из нас – самое себя.

Он хмурит тёмные брови.

Он тоже это чувствует.

«Она чем-то отличается от других».

«Я знаю», – отвечаю я.

У Пэна всегда было единственное правило в отношении Дарлинг – они неприкосновенны.

У нас на острове есть чем заняться, помимо того, чтобы трахаться с этими девчонками.

Мы Потерянные Мальчишки – а тут хватает потерянных кисок, страстно желающих найтись.

Я приготовлю блинчики, Кас притворится другом Дарлинг, Вейн будет думать злодейские думы в своём углу – и мы изо всех сил постараемся как-то продержаться до заката.

Я быстро поджариваю три блинчика, кладу стопкой на тарелку, щедро поливаю маслом и сиропом.

Поставив еду перед Дарлинг, я отступаю назад, чтобы посмотреть, как она съест первый кусок. Напутствую её:

– Лопай. И только посмей сказать, что с ними что-то не так.

Она разглядывает еду, потом меня, словно пытаюсь понять, не отравлены ли блинчики.

Её уже похитили. Если бы мы хотели её смерти, она была бы мертва.

Уинни отпиливает вилкой кусочек и кладёт в рот – и тут же, удивлённо распахнув глаза, тихонько стонет.

Это настолько возбуждающе, что мне приходится бороться с желанием поправить член в штанах.

Кас выразительно смотрит на меня.

«Я знаю, придурок», – отвечаю я.

Что вообще сексуального в блинчиках. Я же не миску

клубники ей принёс, чтобы полюбоваться на ягоды в её хорошеньких губках.

Я всегда пеку блинчики для девчонок Дарлинг. Это традиция.

С противоположной стороны от кухонного стола Вейн застывает на месте.

Дарлинг снова кусает блинчик и прикрывает глаза от удовольствия.

Сироп блестит на её полных губах, и она облизывает их кончиком языка, собирая сладкие капли.

Грёбанный ад.

Тень Вейна почти проявляется в воздухе. При взгляде на него я убеждаюсь, что и второй его глаз уже почернел.

Я громко щёлкаю пальцами. Он моргает и отворачивается.

– Очень вкусно, – заверяет меня Дарлинг, прожевав блинчик. – Как... правда, очень вкусно.

– Да, – бессмысленно говорю я. – Я знаю.

Кас наклоняется к ней, опираясь на спинку стула, и крадёт вилку из её руки. Я страшно завидую тому, как близко он к ней подобрался.

«Как она пахнет?» – спрашиваю я у него.

«Секреты и запретный плод».

Кас хватается кусок с её тарелки.

– Молодец, брат, – говорит он с набитым ртом и подмигивает мне. Грёбанный придурок.

– А что тут кислит? – спрашивает девчонка.

– Морочные ягоды, – отвечает Кас.

– Морочные ягоды? Настоящие?

Её неподдельное удивление – чистый восторг.

Большинство девчонок Дарлинг заранее знают о нас, о Неверленде. В основном они приходят к нам, дрожа от ужаса.

Эта ведёт себя так, будто вчера родилась.

– Мне нравится вкус, – сообщает она.

– Сейчас сезон, – говорю я.

– О, она здесь! – восклицает Черри с порога.

– О господи! – Вейн отталкивается от стола и направляется к двери.

Какие у него глаза, я не вижу, поэтому не знаю, контролирует он сейчас свою тень или нет. В любом случае появление Черри для него – хороший предлог, чтобы уйти. Она безумно влюблена в него, одним богам известно почему. В свои лучшие дни он угрюмый засранец. В худшие – просто ходячий кошмар.

Черри отвратительна Вейну. Как и большинство женщин, которых он трахает, но Черри – особенно.

«От неё воняет, как от пиратов», – его любимая фраза.

Вейн исчезает в одно мгновение, и Черри провожает его тоскливым взглядом.

Иногда мне становится жаль бедняжку. Но она сделала свой выбор. Мы все сделали.

– Утречка, Черри, – говорю я. – Познакомься, это наша новая Дарлинг.

Черри подходит к столу и протягивает Уинни руку.

– Привет! Очень рада встрече!

– Привет. – Дарлинг кладёт вилку и отвечает рукопожатием. – Мне тоже приятно познакомиться.

– Они хорошо себя вели? – шутливо спрашивает Черри. – Иногда они бывают грубоваты. Почти все Потерянные Мальчишки. Их бросили матери, и...

– Черри, – произношу я с нажимом. Мы с Касом, может, и милые ребята, но без колебаний поставим её на место.

– О, прости, – сбивается она. – Я хотела сказать... – Она краснеет. Вся в веснушках. Неуверенная, слабая. Может быть, это из-за того, как мы с ней обращаемся последние года два. На самом деле так и есть, я знаю.

– Что ты хотела сказать? – Дарлинг переводит глаза между нами. Она даже не представляет, каких чудовищ пытается вытащить на свет. В её взгляде слишком много вопросов.

– Осторожнее, Дарлинг, – говорю я. – Ешь свои блинчики. Солнце садится, и Пэн скоро проснётся.

И тогда начнётся настоящее веселье.

Глава 5

Уинни Дарлинг

Я и не вспомню, когда в последний раз при мне готовили еду.

У матери не было ни малейших кулинарных способностей, и учиться она не стремилась.

Как-то одна из моих нянь отвела меня в закусочную и решила заказать блинчики.

Я тогда попробовала их в первый раз, но когда сказала ей об этом, она не поверила.

– Как же так вышло, что ты никогда не ела блинчиков? – удивилась она, забыв, что моя мать – сумасшедшая, и если я хочу что-то попробовать, мне придётся приготовить это самой.

В тот день я проглотила полную тарелку еды и дорого за это поплатилась.

Блинчики у Баша получились воздушными в центре и хрустящими по краям. Сироп сладкий, морочные ягоды очень вкусные – мне раньше казалось, что мама их придумала. Они напоминают клубнику с цитрусовой кислинкой.

Я откусываю ещё кусочек. Девушка, Черри, садится рядом со мной.

– Блинчики остались? – спрашивает она.

– Нет, – отвечает Баш.

Черри выглядит разочарованной. У неё полно веснушек, рыжевато-каштановые волосы и большие, слишком близко посаженные глаза. В ней ощущается какое-то напряжение, будто пузырь, который вот-вот лопнет.

Но я рада увидеть здесь ещё одну женщину.

Мама всегда говорила только о Пэне.

И уж точно никогда не упоминала имён Потерянных Мальчишек.

Я не думаю, что с Черри стоит считаться, но вижу, как отчаянно она хочет понравиться.

И в таком местечке я могу использовать это в своих интересах.

– Можешь взять мои. – Я поддвигаю к ней свою тарелку.

– Правда? – Кажется, девушка мне не верит.

– Конечно. Мне столько не надо.

– Я позволю себе не согласиться, – возражает Баш. Теперь в его лице проявляется некая жёсткость. – Ты просто кожа да кости.

Я сглатываю и заматываюсь в кофту, словно таким образом мне удастся спрятать своё тело вместе со всеми его недостатками.

Баш не ошибся. Если у тебя нет денег, а мать сумасшедшая, то в холодильнике и в желудке всегда пусто. Впрочем, к этому тоже привыкаешь – к постоянному сосущему чувству голода. Порой ярче всего я ощущала именно его.

– Если я съем всю тарелку, – говорю я, – меня стошнит.

Кас встаёт.

– Можно тебя на минутку? – зовёт он брата.

Ненадолго задержав на мне взгляд, Баш покидает комнату вслед за близнецом.

Я очнулась прикованной к кровати – они что, не боятся, что теперь я попытаюсь сбежать? Вейн дал мне понять, что это очень плохая идея. Но что будет после этого? И что они ищут?

– Итак. – Я поворачиваюсь к Черри. Она уже умяла полтора блинчика, но как только я заговариваю с ней, тут же сбавляет скорость. – Расскажи, что мне нужно знать об этом месте. И о тех мальчишках.

Она вздрагивает.

– Я не должна об этом говорить.

– Почему нет?

Она шумно сглатывает и закусывает губу.

– Всё... сложно.

– Они и тебя забрали? – предполагаю я.

– Нет. – Черри качает головой, словно намеренно подчёркивая, что это не так. – Я пришла по своей воле.

В этом заявлении чувствуется даже некоторая гордость.

– Откуда?

– С другой стороны острова.

Если она сама решила прийти сюда, может быть, парни не так плохи, как я думала.

Может быть, мне стоит волноваться только из-за Пэна.

Ну... и, пожалуй, из-за Вейна.

– Ты знаешь, что они ищут?

Черри отодвигает тарелку обратно. Вид у неё становится трезвый и собранный, свет в глазах гаснет.

– Потерянные Мальчишки старше, чем кажутся. А Пэн намного, намного старше них. Старше меня. Что бы там ни случилось, это было ещё до моего рождения.

– Но что это значит? Что случилось?

Близнецы возвращаются в комнату. По щелчку пальцев Баша Черри суетливо исчезает.

– Заканчивай, Дарлинг, – велит Кас.

– Почему?

В дальнем конце кухни есть двустворчатая дверь, за ней балкон, внизу – океан. Баш подходит к двери и выглядывает наружу.

Солнце садится. Здесь нет часов, поэтому я понятия не имею, сколько сейчас времени. Дома закат наступает около восьми вечера, но почему-то кажется, что здесь он должен быть позже. Возможно, это из-за тропического воздуха.

– Потому что Пэн скоро проснётся, – говорит Баш будто бы двери. – И захочет тебя увидеть.

По спине бегут мурашки.

В сознании всплывает сказка о мрачном незнакомце. Пройшей ночью он пришёл ко мне домой и украл меня, как и обещала мама.

Чувство вины возвращается с новой силой. Я никогда ей

не верила.

А следовало бы.

Глава 6

Питер Пэн

Я чувствую, как за пределами моей гробницы солнце опускается к линии горизонта и тени становятся длиннее.

Но сюда не проникает свет.

Проснувшись в полной темноте, чувствуешь себя как в могиле.

Иногда после пробуждения я задумываюсь, не попал ли в ад.

Может быть, я уже мертвее мёртвого и зарыт глубоко в земле острова?

Отбрасываю простыню, опускаю ноги на каменный пол, и именно холод приводит меня в чувство, говорит мне, что я всё ещё нахожусь в своём теле.

Плоть и кости при мне, но чёртовой тени до сих пор нет.

Сколько это будет продолжаться?

Сколько мне ещё осталось?

Я включаю прикроватную лампу, и комнату заливают золотой свет. Глаза сразу жжёт.

Твою мать, чувствую себя просто кошмарно.

Нахожу штаны в углу, ремень всё ещё продет в петли. Одеваюсь, накидываю рубашку и закатываю рукава.

Мой меч там же, где всегда, висит на крюке у кровати.

Когда солнце может тебя убить, за тобой охотятся пира-

ты, а твоя магия на хрен убывает с каждым днём, остаётся полагаться только на клинки.

Я не беру меч, но обвешиваюсь ножами.

По кинжалу в каждом сапоге. Ещё несколько спрятано в штанинах. Ещё один – в ножнах на предплечье.

Двумя этажами выше я слышу, как Баш приглашает девочку Дарлинг сесть.

Она выполняет приказ.

Если она будет умницей, то будет делать то, что ей скажут.

А я довольно хорошо умею убеждать.

Замок на входной двери с лязгом открывается. Из всех Потерянных Мальчишек свой ключ есть только у Вейна. Шаги приближаются. Он слишком самовлюблённый засранец для того, чтобы стучаться.

Конечно, у него есть своя тень. И своя магия, и все связанные с ней привилегии.

– Ты проснулся, – констатирует Вейн. – Хорошо.

Я снова сажусь на край кровати, запускаю пальцы в волосы. Мне нужно выпить.

– Плохо выглядишь, – добавляет он.

Я отвечаю тяжёлым взглядом. Прислонившийся к моему комоду Вейн кажется изваянием божка войны.

До сих пор не понимаю, как мне удалось убедить его присоединиться к Потерянным Мальчишкам, но рад, что смог. Он нужен мне рядом. Сейчас больше, чем когда-либо.

– Путь отнял много сил, – признаюсь я.

– Я говорил тебе, что могу пойти за ней.

Я фыркаю:

– И принёс бы её по частям?

Вейн проводит языком по нижней губе изнутри, но не спорит со мной.

Я поднимаюсь на ноги, когда исчезает последний отблеск солнечного света, ощущая это всем телом. Будто меня спустили с привязи.

Наконец-то можно дышать.

– Как она? – спрашиваю я.

Взгляд Вейна темнеет.

– Красивее предыдущей.

– Я спрашивал не об этом.

Он вздыхает.

– Баш испёк ей блинчики. Кас был с ней добр. Она пока спокойна. Уже задаёт слишком много вопросов. Черри чересчур охотно отвечает.

– Грёбаная Черри.

– Она для нас обуза. Какого хрена мы её держим?

– Потому что она наш залог, и нам нужна её верность. Вот почему.

– Может, Черри и относилась к нам лояльно, когда её трахали близнецы. А теперь она в отчаянии.

– Из-за тебя, – напоминаю я, скрывшись в ванной. – На Баша и Каса девчонка отвлеклась, не более того. Она хочет тебя. Так что трахни её, заработай снова её преданность.

Слышу ворчание Вейна из другой комнаты.

У раковины я плещу в лицо холодной водой, пытаюсь прогнать боль в мышцах.

Я чудовищная развалина.

Но мне нельзя болеть.

У меня мало времени.

Чувствую, как остров ускользает от меня.

Не узнаю своё отражение в зеркале. Я король без трона.

Грёбанные девчонки Дарлинг. Грёбаная Динь.

Внутри у меня всё клокочет от ярости. Я стискиваю зубы, закрываю глаза, выравниваю дыхание.

Эта девчонка – именно та, кто нам нужна.

Просто должна быть.

Пока руки ещё влажные, провожу пальцами по волосам. Приятно слегка намочить голову, это помогает немного успокоить пульсирующую боль под веками.

Вейн в комнате всё ещё погружён в раздумья.

– Ну что? – подгоняю я. – Рожай уже.

– Позволь мне убить Черри. Отправить послание.

– Нет.

– Пэн.

– Давай так: когда ты в последний раз за кем-то гонялся?

У тебя тень уже закипает. Эту энергию нужно куда-то потратить. Займись этим, пока тебе не взбрело в голову отыгаться на Дарлинг. Ради меня.

Он снова вздыхает.

– Ладно. Чёрт.

Я крепко хлопаю его по спине.

– А теперь пойдём выпьем.

* * *

Мы поднимаемся по кованой железной лестнице, наши шаги отдаются эхом в колодце подземной башни. Оказавшись на втором этаже дома-на-дереве, я глубоко вдыхаю солёный морской воздух.

Вдалеке кричат чайки, сражаясь за объедки.

Я пока не вижу Дарлинг, но чувствую её присутствие.

Весь наш дом состоит из холодных жёстких граней.

Из-за неё здесь делается теплее. Мне едва ли знакомо ощущение чего-то мягкого или тёплого.

Излюбленная шутка Потерянных Мальчишек – что я сбежал от матери, как только появился на свет.

Но, по правде сказать, я думаю, что меня породил остров. У меня нет никаких воспоминаний до того, как я проснулся здесь, окутанный магией.

Дальше по коридору Кас смеётся над чем-то, а Баш фыркает.

Пахнет ромом, а значит, близнецы уже пьют. Маленькие ублюдки. Никогда не желал, чтобы у меня были младшие братья. Мне это не нужно.

Мы с Вейном поднимаемся по главной лестнице на чер-

дак. Несколько диких попугаев расселись на ветвях Не-Дерева и, судя по тихим трелям, уже засыпают.

Я немного скучаю по щебету птиц.

Скучаю по многим вещам, связанным с дневным светом.

Когда я захожу в комнату, Дарлинг тут же поднимает на меня глаза.

Она ничего не может с собой поделаться.

Никто не может.

Даже король без трона привлекает внимание.

– Он восстал! – провозглашает Баш.

Я отвечаю ему недобрым взглядом и иду к бару. У нас несколько сотен бутылок спиртного, выстроенных в ряд на полке перед зеркальной стеной, которая потускнела от времени и потрескалась от небрежного обращения.

Потянувшись за своей любимой бутылкой, я ловлю в отражении устремлённый на меня взгляд Дарлинг.

Кровь приливает к её щекам, и она быстро отворачивается.

Я наливаю себе рома, добавляю в стакан несколько кубиков льда и наконец встаю лицом к комнате – и к ней.

Она по-прежнему не смотрит на меня.

Я отпиваю немного, катаю жидкость на языке, а потом глотаю, ощущая обжигающий вкус. Он напоминает мне о том, что я жив.

Разве нет?

Щёлкаю пальцами Башу. Он приносит мне металличе-

ский портсигар и открывает. Я вытаскиваю сигарету и прикуриваю её, достав из кармана штанов зажигалку и щёлкнув колесиком.

Дым опаляет иначе, чем алкоголь, но точно так же несёт тепло.

Я живой.

Я живой.

Дарлинг сидит посреди огромного кожаного дивана и от этого кажется ещё меньше. Острые кости выступают даже сквозь кофту.

Девчонка и не знает толком, по какому долгу должна заплатить.

Мне действительно жаль её. Но жалости недостаточно.

Я закуриваю, позволяю дыму вырваться наружу, а потом вытягиваю его обратно глубоким вдохом.

Это бросается ей в глаза.

Она громко сглатывает. Затем переводит взгляд на клинок в ножнах у меня на предплечье.

Я слышу частый стук сердца Дарлинг, но не думаю, что она напугана – скорее заинтригована. Пора преподать ей первый урок.

– Вставай, – говорю я.

Она смотрит на Каса.

– Он тебе не поможет. Вставай, Дарлинг.

Девчонка поднимается. Она босая, тонкие кости выпирают на своде стопы, как иглы у рыбы-льва.

Что с ней сделала Мерри?

Ярость возвращается, но на этот раз она вызвана чем-то другим.

И мне это не нравится.

– Вейн, – окликаю я, и вот он уже идёт в ногу со мной. – Дарлинг. Следуй за нами.

– И не вздумай бежать, – предупреждает Баш. Говорит он непринуждённо, но серьёзно. Ей же будет лучше, если девочка к нему прислушается.

Мы выходим на балкон, оттуда спускаемся по лестнице во внутренний двор. В каменном очаге горит огонь, а вокруг слоняются Потерянные Мальчики, пьют или заигрывают с девушками из города. Один тихо бренчит на гитаре.

Когда они замечают наше приближение, струны издают последний звук и затихают. Все поднимаются и склоняют головы, пока мы проходим мимо.

Дарлинг замедляет шаг.

– Не отставай, – подталкивает её Вейн.

Она продолжает путь.

Я делаю последнюю затяжку и выкидываю сигарету в ближайшую вазу. После вчерашней бури в ней полно дождевой воды, и тлеющий окурок с шипением тонет.

Камень внутреннего двора переходит в плотную утрамбованную землю. Среди пальм и буйной зелени вьётся покрытая корнями тропинка. Над дорожкой нависают плети русселии и яркие цветы гибискуса.

Дарлинг срывает цветок и растирает в пальцах лепестки, потом нюхает оставшееся масло.

Под холмом океанские волны плещут о берег. Чайки поймали встречный ветер и зависли в воздухе, расправив крылья в серебристом свете почти полной луны.

Вот чего ещё мне не хватает – полётов.

Мы спускаемся на пляж, белый песок скрипит под ногами.

Ветер дует с севера, и, клянусь, я чувствую оттуда пиратскую вонь.

– Оглядись вокруг, Дарлинг, – приказываю я.

Она стоит между мной и Вейном, сложив руки на груди.

Смотрит вдоль берега на юг, затем на север. Моя территория – вся южная оконечность острова, от мыса Серебряной бухты до крутых отрогов скалы Покинутых. Владения Крюка находятся на другой стороне, на севере, а земли Тилли вклиниваются между нами.

– Это Неверленд, – сообщаю я Дарлинг. – Этого места не существует в твоём мире.

Она так глубоко вдыхает, что у неё невольно расправляются плечи, но тут же сгибаются снова.

– Проплыви хоть сколько миль в любую сторону, но никуда не попадёшь, а особенно домой.

Чайки снова кричат, затем поворачивают по ветру и устремляются на юг. Волны поднимаются с приливом.

– Пути отсюда нет. Ты слышишь, что я тебе говорю?

Дарлинг нервно проводит языком по губам.

Вейн рядом со мной напрягается.

– Зачем я здесь? – спрашивает она, шагнув вперёд. – Почему ты забираешь женщин нашей семьи? – Девчонка худая, как жердь, но говорит с жаром и энергией. – Когда я смогу вернуться домой?

– Этого ты хочешь? – интересуюсь я. – Отправиться домой?

– А с чего мне этого не хотеть?

– Ответь на вопрос.

– Я не хочу оставаться в плену. – Она говорит всё громче, и терпение Вейна постепенно истощается. – Я не могу помочь тебе с тем, чего ты там хочешь. – Она опускает руки вдоль тела, сжав кулаки. – Значит, ты зря тратишь время, и... моя мать... я нужна ей.

– Неужто?

– Да!

– С этой мы ещё натерпимся, – комментирует Вейн. Его голос уже звучит как гортанный рык.

– Я не могу тебе помочь, так что верни меня домой и... – Она замолкает, широко распахнув глаза.

На языке горчит острый привкус серы.

– Вейн, – произношу я.

Дарлинг отступает, у неё бешено скачет пульс.

– Вейн!

Она разворачивается и бежит прочь.

Я хватаю Вейна за плечи, встряхиваю. Обе радужки у него

почернели, и тени заполняют вздувшиеся вены вокруг глаз, превращая лицо в искажённую шевелящуюся маску.

– Ты не говорил мне, что всё так плохо.

Он с рыком вырывается у меня из рук.

– Я в порядке.

– Ты не в порядке.

Вейн внимательно следит за бегущей Дарлинг, чьи босые ступни гулко стучат по песку. Кофта развевается у неё за спиной.

– Мне теперь за ней гоняться, – укоряю я. – Браво, молодец.

– Незачем. Я поймаю её.

Я успеваю схватить его, пока он не сорвался вслед беглянке, и притягиваю к себе.

– Если её поймаешь ты, от неё ничего не останется. А она наш последний грёбанный шанс.

Тень делает чёрные волосы Вейна белыми, превращает резцы в острые нечеловеческие клыки.

Он не справляется со своей тенью, как бы ни пытался убедить себя и меня в обратном. У него своя охота на демонов.

– Ну же, – настаиваю я.

Стиснув зубы, Вейн издаёт протяжный разочарованный рык, наблюдает за Дарлинг ещё секунду, но всё же отворачивается. Пока он идёт по пляжу обратно в сторону дома, его волосы постепенно чернеют.

У меня мало времени, но, думаю, что и у Вейна не больше.

Чёрт побери. Никакого терпения на это всё не хватает.

Дарлинг уже пробежала половину пляжа, лунный свет расцвечивает её фигуру синими и серебряными пятнами.

Может быть, я и не могу летать, зато до сих пор отлично играю в догонялки, и у девчонки против меня нет ни единого шанса.

Глава 7

Уинни Дарлинг

Я задыхаюсь. Совершенно не умею бегать.

Песок под ногами неровный, и каждый шаг кажется вдвое тяжелее предыдущего. Слезы текут по лицу.

Я ненавижу плакать.

Я не плачу.

Сколько я ещё продержусь?

И почему вообще бегу?

Разве они не предупреждали меня раз за разом даже не думать об этом?

Паника возвращается, и сейчас это моё собственное чувство. Возможно, из нынешнего сложного положения я не смогу выпутаться болтовнёй.

Вдалеке в лунном сиянии виднеется скала. Над волнами стелется туман, ночной воздух кажется плотным.

Внезапно Питер Пэн оказывается передо мной, и от ужаса у меня пресекается дыхание.

Я резко торможу, чтобы не врезаться в него. Он с лёгкостью ловит меня, грубо хватает за руки и спрашивает жёстко, зло:

– Что, мать твою, тебе было сказано, Дарлинг?

– Я не знаю... я... – не могу отдышаться. И не понимаю, что происходит. – Мне стало страшно, – выпаливаю я, хотя

не помню сам момент испуга.

Просто внезапно меня поразил ужас – точно так же было, когда я впервые проснулась в этом доме и Вейн вошёл в комнату.

На долю секунды Пэн смягчается.

Я чувствую, как из его тела вытекает напряжение.

– Это из-за Вейна, – поясняет он. – У него есть способность заставлять людей чувствовать ужас.

– У него... что?

– Если тебя это утешит, он не нарочно.

Я смеюсь и на мгновение слышу в своём голосе мамины интонации. Этот смех буквально сочится безумием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.